
ПРАВО СИЛЬНОГО
ЗА ЧЕРТОЙ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
КНИГА 3

Михаил Капралов

Право сильного. За чертой. Книга 3

https://litres.ru/74958144
SelfPub; 2026

Аннотация

За пределами защищённых городов начинается другая жизнь. Там не имеют значения титулы, деньги и громкие фамилии. Там выживает тот, кто быстрее принимает правильные решения.

Демьян добровольно отправляется на военную практику к Ладожскому разлому.

Аномальные твари, гибель людей, опасные задания и магия, которую ещё предстоит научиться контролировать.

Старый боевой опыт помогает ему выживать, но новое тело далеко не всегда успевает за решениями разума.

Михаил Капралов
Право сильного.
За чертой. Книга 3

ПРАВО СИЛЬНОГО
ЗА ЧЕРТОЙ
Книга 3 в серии

Глава 1. Не ждать разрешения на смерть

Я никогда не испытывал особой любви к медицинским комиссиям. В прежней жизни врачи интересовались моим здоровьем после того, как кто-нибудь убедительно доказывал, что оно пострадало. Здесь требовали отчёта о каждой царапине заранее — с такой страстью, будто собирались жениться на моих анализах.

— Ещё раз, Ильин. Силовое воздействие на правую руку. Максимальное усилие без магического усиления.

Я сжал рукоять диагностического прибора. Серебряная стрелка качнулась вправо и остановилась чуть выше нормы для моего возраста.

— Теперь с усилением, — сказала женщина за столом.

— Если сломаю вашу чудо-машину, её стоимость удержат из страховки?

— Если сломаешь руку, в практике не участвуешь.

Вопрос был поставлен правильно. Я направил тонкий поток энергии из источника к плечу, локтю и запястью. Прибор хрустнул. Не сломался — это было бы слишком удачно, — но стрелка ударилась в ограничитель, а в предплечье словно натянули раскалённую проволоку.

— Достаточно.

Я ослабил хватку. Пальцы чуть подрагивали. Чудненько. Подростковая тушка снова напомнила, что чудеса по тарифу «безлимит» у нас не предусмотрены.

Медик записала результат. На форме — знак полевой службы и нашивка «Круглова». Майор Светлана Аркадьевна Круглова, если верить направлению, временно прикомандирована к комиссии от северо-западного командования. Лет сорока, с внимательными глазами. Такими осматривают не лицо пациента, а место, где у него наверняка что-нибудь сломано.

— Боль по наружной стороне предплечья?

— Есть.

— Покалывание в пальцах?

— Пока только желание кого-нибудь задушить.

— Значит, пальцы работают. Сядь.

Она осмотрела руку, провела над ней тонкой зелёной полосой диагностического света и недовольно нахмурилась.

— Поверхностное перенапряжение сухожилий. Источник ускоряет мышечное сокращение, а связки остаются прежними. Ещё несколько таких опытов — и неделю будешь дер-

жать ложку обеими руками.

— Неделю? Несерьёзная реклама военной медицины.

— Хочешь убедиться?

— Нет. Я врачам привык верить. Особенно когда они вооружены печатью о допуске.

Она выписала ограничение на силовые рывки в ближайшие сутки. Я подписал. Сорвать поездку ради очередного фокуса перед врачом — глупость даже по моим меркам.

Круглова не отпустила меня сразу. Выдвинула из стола узкую дощечку с отверстиями, положила рядом десяток гладких стержней и велела переставлять их слева направо. Я уже открыл рот, чтобы поинтересоваться, не принимают ли на практику исключительно выпускников детского сада, но первый стержень выскользнул из пальцев.

Врач молча посмотрела на пол.

Я поднял его левой рукой.

— Повторить. Правой.

На второй попытке справился. На третьей большой палец ушёл чуть дальше, чем требовалось, зацепил соседний стержень и вывалил его из гнезда. Боль была терпимой; раздражало другое. Расстояние я видел точно. Пальцы исполняли команду с опозданием. В прошлой жизни такой промах мог обернуться незапертым замком или осечкой в самый неподходящий момент. Здесь за промах мог расплатиться уже не замок, а моя шея.

— Усилие выросло, — сказала Круглова. — Точность по-

сле нагрузки упала. В бою заметишь не сразу. Попросишь больше энергии, чтобы исправить промах, и усугубишь повреждение.

— А если просить вежливо?

— Сухожилие тебя не слышит.

Она приложила к моей руке холодную пластину, подвинула прибор так, чтобы я видел бледный рисунок предплечья. Несколько тонких линий возле локтя светились ярче остальных. Я спросил, что именно успел себе испортить.

— Пока ничего необратимого. Но вот здесь нагрузка должна передаваться постепенно. Ты заставил мышцу сократиться быстрее, чем соседние ткани успели принять усилие. Рывок закончился, повреждение осталось.

— Лечение?

— Покой, местная обработка, повторный осмотр перед отправлением. При ухудшении — снятие допуска.

Она не угрожала — спокойно перечисляла варианты, будто проверяла неисправный насос. Мне подходило. На север я предпочитал ехать со знанием реальных поломок, а не с врачебными комплиментами.

— На полигон с ограничением пустят?

— Капитан увидит запись. Можешь пройти защиту, перемещение без усиления, работу на точность. Не прячь боль, Ильин. Скроешь от неё — не скроешь от руки.

— У вас удивительно мрачные напутствия.

— Нормальные. Мрачные я оставляю тем, кто не слушает

нормальные.

Она выдала мне тюбик с резким аптечным запахом и заставила лично повторить, когда явиться на осмотр. Возле предварительного допуска появилась крошечная отметка. Одна чернильная чёрточка могла испортить мне планы надёжнее вооружённого противника.

У двери стоял другой доброволец. Подтянутый, коротко стриженный, с лямкой дорожной сумки через плечо. Он вопросительно посмотрел на мою повязку, потом перевёл глаза на свою анкету. В ней было обведено несколько пунктов.

— Откажешься? — спросил я.

— Ещё не решил. У меня после зимней травмы колено.

— Тогда решай вместе с врачом.

Он кивнул и вошёл. Я услышал, как Круглова начала расспрашивать его о боли при спуске с лестницы, и пошёл дальше. За дверью продолжалась скучная проверка колена, которому предстояло много ходить, мало отдыхать и при необходимости очень быстро уносить хозяина. На плакатах добровольной практики подобные подробности обычно не помещались.

В умывальной я смыл с ладони холодный диагностический состав и попробовал застегнуть манжету. Правой рукой пришлось повозиться. Левой получилось сразу. Запомнил разницу, переставил крепление запасного накопителя ближе к левой стороне и только после этого вышел в коридор.

Неприятная поправка к снаряжению заняла меньше мину-

ты. Манжета застегнулась со второй попытки. Столько внимания к пуговице я прежде уделял разве что при обыске. Предпочитал обижаться на людей: некоторые из них хотя бы поддавались исправлению.

Последняя комиссия шла в здании военной подготовки рядом с академией. Заявление на практику я подал ещё до конца учебного года и получил условный допуск. Следующие недели ушли на снаряжение, защитные техники и попытки научиться тратить резерв с пользой. Теперь оставалось добровольно отправиться туда, откуда нередко возвращались не в полном составе.

Нормальная человеческая жизнь, согласен, предлагала занятия поинтереснее. Например, отдых у моря. Но море не умеет отрывать голову у магов второго ранга. Не вижу в таком отдыхе серьёзного образовательного потенциала.

Из коридора донеслись голоса. Кто-то громко объяснял приятелям, что вся опасность Ладожского разлома выдумана военными для увеличения финансирования. Я подошёл к приоткрытой двери.

Высокий рыжеватый парень в дорогой спортивной форме стоял, облокотившись на стену. Вокруг него собрались ещё четверо добровольцев. Рыжий заметил мой взгляд и расплылся в улыбке.

— Ильин? Тот самый?

Блядь. Как же я люблю такие формулировки. Сразу хочется уточнить: тот самый — который сжёг половину акаде-

мии, взорвал склад или недоплатил за проезд? За последние месяцы поводов для слухов набралось достаточно.

— Если вам должны денег, то нет, — сказал я.

— Мирон Барышев. Казанская Высшая школа магии. Слыхал, ты на практике хочешь отличиться.

— Хочу вернуться с целой задницей. Если удастся — уже отличусь.

Один из парней засмеялся. Барышев продолжил улыбаться чуть дольше остальных.

— В разломе главное — мощность. У меня отец служил на восточном рубеже. Говорит, твари тупые: бей первым, и всё.

— Уважаемый у вас отец. Особенно если действительно говорил такое и до сих пор жив.

Я ушёл раньше, чем он придумал ответ. Перепалка ни к чему не вела, а мне ещё предстояло самое интересное — испытание на полигоне.

Там нас встретила капитан в тёмной форме с коротко собранными волосами. На рукаве — нашивка мобильной аномальной защиты; на пальцах — старые ожоги — память о работе, которую ни одна нашивка не описывала. На табличке значилось: «А. В. Журавлёва».

— Капитан Алина Викторовна Журавлёва. Сегодня проверяем не красивые оценки и не родословные. Три вещи: слышите ли приказ, держите ли свой сектор и умеете ли вовремя прекращать атаку. Кто не умеет — в разлом не едет. Я не собираюсь учить этому на ваших похоронах.

Пожалуй, мы поладим. Из всего перечисленного особенно понравилось требование вовремя остановиться. Со второй частью у меня в последнее время возникали сложности.

На поле стояли подвижные мишени, защитные перегородки и круглая площадка, разделённая белыми линиями. Вдоль ограждения следили военные наблюдатели. Один из них, немолодой подполковник с седой прядью над виском, что-то записывал в планшет. Журавлёва поймала мой взгляд.

— Ратников. Руководитель сопровождения. Он решит, кому из вас доверить место в транспорте. Начинаем с контроля защиты. Потом работа с партнёром. Ильин, ко мне.

Фамилия подполковника резанула слух. Другой Ратников, начальник безопасности «Статус-Инвеста», погиб после нашей встречи. Этот офицер был совсем другим человеком, но совпадение я отметил. А сама практика, похоже, начиналась с попытки прилюдно набить мне морду.

В моём личном деле наверняка числилась и городская операция «Контур». Официальная её часть выглядела вполне пристойно: молодой маг помог силовикам, не умер, получил запись в характеристике. Ночная история с «Серой кромкой» в такую характеристику, надеюсь, не помещалась. Не каждый мой вечер обязан становиться достоянием государственного архива.

Она не использовала показную стойку. Просто вышла в круг, слегка повернула плечи и подняла ладони. Я тоже при-

готовился, оценивая длину шага, положение центра тяжести и едва заметную перестановку правой ноги. Пятнадцать лет старой практики позволяли прочесть начало атаки. Нынешние мышцы не всегда успевали сделать с этим знанием что-нибудь полезное.

— Начали.

Капитан оказалась передо мной без предупреждения. Я успел увидеть движение плеча и понял, что сейчас последует короткий удар в корпус, а затем подсечка. Голова уже построила ответ. Тело запоздало на долю секунды.

Воздушная подушка смягчила удар, но пятка капитана всё равно нашла мою опорную ногу. Небо и земля поменялись местами.

— Атаку увидел, выход не успел, — заметила она, не предлагая руки. — Твои глаза пришли в нужное место раньше ног.

— Извините. Следующий раз непременно стану думать медленнее.

— Попробуй не болтать.

Я поднялся. Во второй раз выбрал другой вход. Подготовил маленький ледяной клин у её опорной ноги, обозначил атаку справа и в тот миг, когда она сместила вес, толкнул себя коротким усилением.

Поначалу сработало. Её рука встретила моё предплечье, воздушный щит погасил удар — и капитан уже разворачивала меня в сторону. Она позволила бы мне закончить рывок

и аккуратно врезаться лицом в покрытие, если бы я не сообразил распустить ускорение, скользнуть вниз и поставить локтем короткую преграду.

Её колено остановилось в нескольких сантиметрах от моего виска.

— Лучше, — сказала она. — Но ты добавляешь силу в движение, которое уже не можешь остановить. Зверь этим воспользуется.

— А вы разве не воспользовались?

— Я не зверь. Пока.

Она отступила, давая возможность подняться. В запястье заныло сильнее. Ещё один такой рывок — и вместо практики буду коллекционировать бинты.

Отметка о запрете усиления стояла у капитана перед глазами. Я поднялся, ожидая отправки к Кругловой. Журавлёва вместо этого велела раскрыть ладонь и повернуть кисть.

— Для чего добавил усиление?

— Хотел закончить вход до вашего разворота.

— А закончил?

— Почти.

— Ты не видел, куда поставишь ногу после моего блока. Значит, ускорялся наудачу.

Я посмотрел на белые линии покрытия. Пятка действительно остановилась за той отметкой, на которую рассчитывал. Ненамного — на ширину двух пальцев. Этого хватило, чтобы оказаться под коленом. В старом теле я бы скорректи-

ровал шаг раньше, ещё до соприкосновения рук. Здесь дал лишнюю силу, а время на торможение рассчитал по старой привычке.

Хреновая комбинация. Танковый двигатель в легковушке — впечатляющая вещь. До первого поворота.

— У меня нет задачи выяснить, насколько сильно ты хочешь на север, — сказала капитан. — Я проверяю, способен ли ты действовать с ограничением. Ты его только что обошёл.

— Согласен.

— С чем именно?

— Добавил силу туда, где требовалось изменить решение.

Она несколько секунд смотрела мне в лицо, потом поманила медика с края площадки. Круглова подошла медленно. Подозрительно медленно. Её выражение лица подсказывало, что хирургические инструменты в этом мире недостаточно разнообразны для полного раскрытия некоторых человеческих талантов.

Руку она проверяла прямо на месте. Нажала под локтем, заставила пошевелить пальцами и спросила, стало ли хуже. Соврать было легко. Бесполезно — ещё легче.

— Ноет сильнее.

— Ожидаемо. Нового повреждения не вижу, но больше сегодня не пробуешь. Капитан, отметьте нарушение в результатах. Для меня важно, что он делает после предупреждения.

— Уже отметила.

Женщины переглянулись с той профессиональной слаженностью, от которой пациенту немедленно хочется потребовать адвоката. Мне оставалось стоять и изображать человека, чья голова способна усваивать полезные сведения.

— Повторный осмотр перед посадкой, — сказала Круглова. — Будет отёк — поедешь до ближайшего лечебного корпуса. Далеко ходить не придётся.

Я поблагодарил её за ясность маршрута. Она не оценила.

Когда врач отошла, Журавлёва кивнула на мои ноги.

— Покажи тот же выход. Медленно, без магии.

Я показал. На середине движения капитан выставила ладонь и остановила моё плечо.

— Здесь ты уже проиграл. Не скорость мала. Ты продолжаешь продавливать закрытую линию.

На следующем повторении я уступил давление, убрал локоть и вышел сбоку. Непривычно коротко, без попытки забрать преимущество сразу. Получилось чище. В конце я стоял на обеих ногах и мог двигаться дальше, а не собирать лицо с покрытия.

Поправка неприятная, зато полезная. Я запомнил положение ладони капитана и угол собственного выхода. Ускоряться можно будет и потом — если рука переживёт мой научный энтузиазм.

Капитан вернулась к планшету. Я видел, как она убрала одну отметку и поставила другую, но читать через её плечо

не стал. Вопросов о моих привычках у неё накопилось и без подсказок.

— Следующий заход — магия, — объявила Журавлёва.

Вот это уже ближе к дому.

Она поставила три быстрые мишени, двигающиеся по непредсказуемым траекториям, и запретила любые атаки, способные повредить покрытие. Первые две я снял простыми воздушными ударами. Третья дёрнулась вбок быстрее, чем я закончил наводку. Я не стал тратить время на соревнование с механизмом, а поднял перед её маршрутом низкий каменный уступ. Мишень перепрыгнула — прямо в ледяной обруч, который я поставил над уступом. Она дёрнулась, заскрипела и остановилась.

— Не спрашиваю, почему не использовал стандартный залп, — сказала капитан. — Вижу.

— Ура. А я уже приготовил доклад на сорок минут.

— Не трать дыхание. На севере оно понадобится.

Ратников подошёл, когда мишени убирали. Вблизи он выглядел ещё суровее: безупречно сидящая форма, спокойные глаза, ни одного лишнего движения. Погоны подполковник, похоже, давно перестал использовать как аргумент. Это внушало уважение.

— Демьян Ильин, — прочёл он с планшета. — Второй ранг, Проводник. Специальный допуск к нестандартным объёмным формам. Нарушений дисциплины в академии...

Он пролистал экран.

— Много, — подсказал я.

— Я заметил. Слушайте внимательно. В зоне вы студент-практикант, а не свободный охотник. Военный приказ исполняется сразу. Претензии заявляются после исполнения, если останется кому их слушать. Понятно?

— Более чем.

— Вопросы?

— Да. Насколько хорошо вы платите за тварей, уничтоженных сверх программы?

Журавлёва тихо фыркнула. Ратников даже не улыбнулся.

— Если захотите заработать, предложу вам должность после практики. Сейчас вы на моём довольствии, Ильин, и ваши обязанности не включают коллекционирование трофеев без разрешения.

— Печально. Тогда вопросов нет.

— Допуск подтверждён. И постарайтесь не делать так, чтобы я пожалел.

На выходе меня ожидали Руслан и Марфа. Оба принесли кофе. С таким аргументом я даже согласился пообщаться.

— Ну? — спросил Руслан.

— Государство решило, что моя смерть будет достаточно полезной для науки, — ответил я, принимая стакан. — Еду.

Марфа посмотрела на бинт на запястье.

— Ты уже умудрился покалечиться?

— Небольшая размолвка между моей рукой и требованиями начальства.

— Демьян, там ведь не обычный полигон.

— Я в курсе. На обычном полигоне нельзя официально съесть преподавателя.

Она вздохнула. Мы пошли к столовой. Руслан рассказывал о летних занятиях по защите, Марфа — о практикуме по артефакторике. Оба оставались в Москве и ни на какие самоубийственные эксперименты не подписывались. Завидная рассудительность. На её фоне моё лето выглядело особенно занимательно.

Северин Платонов нашёл нас возле входа. Вид у него был непривычно довольный.

— Мне утвердили летнюю программу на Западном испытательном полигоне, — сообщил он. — Закрытый сектор, инструкторы из инженерного корпуса. После знакомства с условиями Ладожского разлома я решил, что техническую подготовку можно получить без ежедневного риска остаться без головы.

— Твой отец, должно быть, гордится такой расточительностью, — сказал я. — Целый наследник и всего лишь одна голова.

— Ты неисправим.

— Вы так говорите, будто пробовали чинить.

Мы пообедали, обменялись парой обещаний сообщать, если останутся средства связи, и разошлись. Никто не требовал, чтобы я передумал. За это я и ценил знакомых: временами они умели не мешать.

После обеда я добрался до мастерской Марины. До отправления оставалось несколько часов, а часть снаряжения требовала последней проверки. Военная комиссия утвердила мой список, но никто не обещал, что новые приборы будут любить меня так же, как чиновники любят собственные печати.

Мастерская пахла нагретым металлом и пылью. Марина стояла над рабочим столом, рассматривая разобранный защитный накопитель. Рядом сидел Егор, перед которым плавала объёмная схема. Увидев меня, оба подняли головы.

— Ты всё-таки едешь, — сказал Егор.

— Медики решили, что в моём организме ещё есть чему подвергаться испытаниям.

Марина взяла с края стола небольшой серый футляр.

— Здесь два стандартных накопителя, один усиленный, запасной комплект диагностических меток и крепление под жилет. Твой старый адаптер я доработала, но проверять его под полным боевым зарядом не советую. Система выдерживает перегрузки в пределах допуска, не более.

— И когда я смогу узнать, где эти пределы на практике?

— Желательно до того, как захочешь их превысить.

Прекрасный инженер. Иногда настолько хороша, что хочется закрыть ей доступ к моим боевым отчётам.

Проверил ремни, защёлки и вес каждого подсумка. Перетянул правую сторону — и жилет немедленно напомнил об этом при повороте. В прошлой жизни я всегда предпочитал

носить то, что можно быстро достать одной рукой. Теперь к оружию добавилась магия, а изменившиеся пропорции тела заставляли по-новому распределять вес. Защитный жилет сидел хорошо, но полный комплект мешал свободно повернуть корпус.

— Вот здесь забирает движение, — сказал я, показывая на боковую пластину.

Марина посмотрела, быстро ослабила крепление и переставила пряжку. Поворот стал легче.

— Так?

— Лучше.

Егор отложил планшет.

— Я смотрел сведения о разломе. Последний официальный отчёт на удивление лаконичный. Слишком много закрытых разделов.

— Это значит, что там либо очень страшно, либо очень выгодно. Вероятно, оба варианта сразу.

— В архиве программы «НУЛЬ» нашлись ссылки на совместные экспедиции к крупным аномалиям. И помнишь экспериментальную карту источника с пометкой «носитель»? Дата на ней по-прежнему не сходится с твоим возрастом. Я проверил копию: похоже, цифры не перепутали при переносе.

Я поставил футляр на стол и посмотрел на него внимательнее.

— Совпадение?

— Не знаю. В той же пачке документов говорилось, что некоторые экспериментальные источники реагировали на пространственные напряжения. Но подлинников нет, привязки к конкретным носителям стёрты. Без них всё это только подозрительное совпадение.

— Тогда и не называй. Сохрани, отметь, где искал, и не лезь в закрытые реестры со своего компьютера.

— Я не идиот.

— Дорогой Егор, у меня был знакомый, который тоже так считал. Очень уверенно считал. На похоронах пришлось признать, что он ошибался.

Парень поморщился, но кивнул. Я не требовал от него бросать работу. Егор был полезен тем, что копался в документах, которые мне самому никогда не хватило бы терпения изучать. Но я собирался вернуться из разлома и потому предпочёл бы видеть живого специалиста, а не портрет на стене.

Пока Марина настраивала крепления, я проверил защитную куртку. Старая ткань выдержала несколько учебных ударов, но против настоящих зверей надеяться только на неё было бы самоубийством. Нынешний вариант имел армированные волокна, две сменные пластины и изолированные карманы под накопители. С когтями крупной твари куртка не справилась бы. С осколками и касательными ударами — вполне. Знал бы ещё, куда именно прилетит.

— Ильин, — сказала Марина, — ты опять пытаешься но-

сить слишком много.

— В городе я решил бы эту проблему просто. Бросил бы сумку в автомобиль.

— А сейчас?

— Сейчас рассчитываю на щедрость военных и наличие грузового транспорта.

Она подняла глаза.

— В опасном месте ты не всегда будешь возле машины.

С этим поспорить было трудно. Мы сняли два запасных накопителя, оставили более лёгкий набор и переложили вес ближе к спине. Через десять минут я смог свободно присесть, повернуться и поднять руку, не цепляясь локтем за ремень.

— Вот теперь годится, — сказала Марина.

Я расплатился за работу, несмотря на её возражения, и вышел на улицу. Мир за дверью мастерской казался почти издевательски спокойным. Возле кафе смеялись студенты, по дороге проскользнул бесшумный городской автобус, над магазинами играла реклама летних курортов. Люди готовились к каникулам, новым знакомствам и возможности просидеть две недели на пляже.

А я собирался туда, где даже погода могла укусить.

Телефон завибрировал. Софья Громова просила подтвердить обновлённые полномочия исполнительного директора на время моего отсутствия. Документ был готов заранее, но система требовала личной подписи владельца. Я открыл вло-

жение прямо у кафе, пробежал по пунктам, проверил финансовые ограничения и подписал.

«Ильин-Тех» работал без моего ежедневного участия уже давно. Компания не была мне безразлична. Просто хорошему бизнесу не нужен хозяин возле каждого станка. Я имел достаточно дел, чтобы не посвящать свободное время спорам о стоимости упаковочных коробок.

Громова позвонила почти сразу.

— Документы получила. Вы действительно уезжаете сегодня?

— Через несколько часов.

— Тогда уточню последнее. С поставщиками согласовали график, охрана усилена, резерв на непредвиденные расходы есть. Если случится новый конфликт, мне обращаться к Тихому или сразу к полковнику Волкову?

— Сначала в юридический отдел. Потом к Тихому, если противник предпочитает неформальные переговоры. Волкову — только если дело выходит за пределы обычного коммерческого давления. И не пытайтесь связаться со мной посреди боя ради согласования счета на ремонт ворот.

— Я помню. Берегите себя.

— Постараюсь. Уж очень хочется увидеть, как компания станет большой и прибыльной без моего присутствия.

Она коротко рассмеялась. Связь оборвалась.

Я ещё несколько минут проверял сообщения. Ничего срочного. Никто не грозил бизнесу, не требовал договора

о пожизненной кабале и не собирался похищать мой источник. Москва, похоже, решила сделать передышку. Удивительная невежливость — раньше следовало догадаться.

В другое время я бы сейчас заказал столик, нашёл приятную компанию и потратил деньги на что-нибудь заведомо бесполезное. Деньги затем и существуют, чтобы иногда переставать их считать. Вместо этого меня ждали военный эшелон и болота. Сука, как неудобно устроено взросление в новом мире.

По дороге к академическому корпусу я встретил профессора Черкасова. Он держал под мышкой толстую папку и выглядел так, словно мысленно спорил с ней на каждом шагу.

— Демьян, — произнёс он, узнав меня. — Как раз хотел передать вам последние результаты испытаний.

Мы отошли к скамье. Он развернул лист с диаграммой «Глухого колокола». Испытанная после перехода на второй ранг конструкция держала удар лучше прежней, но за каждую лишнюю секунду требовала грабительскую плату резервом.

— Для вас основной предел не прочность, а цена, — сказал Черкасов. — Не пытайтесь сделать из этой защиты постоянный купол.

— Не собираюсь. Мне нужен инструмент на секунду, не уютная квартира.

— Именно. В сложной среде короткий импульс может оказаться полезнее долгой работы. Но если неверно опреде-

лите направление атаки, заплатите резервом за пустоту.

Я свернул схему. С «Глухим колоколом» проблема оставалась прежней: расчётный удар он держал надёжно. Осталось уговорить противников ознакомиться с расчётами.

— Ещё кое-что, — сказал профессор. — Я просмотрел ваши последние записи. Вы стали слишком много внимания уделять силе отдельных ударов. В ваших собственных таблицах экономичность чаще связана с точностью применения, чем с мощностью.

— Я заметил.

— Тогда почему в двух последних тренировках вы повторяли тяжёлые формы по пять раз подряд?

— Потому что иногда полезно знать, насколько быстро можно себя истощить.

— У вас удивительный талант формулировать глупости так, что они напоминают исследовательскую программу.

Он не улыбался. Я тоже. Профессор имел право на раздражение: последние недели я действительно пытался одновременно увеличить скорость, силу и устойчивость тела. После каждой тренировки правая рука ныла до самого сна.

— Вы правы, — сказал я. — Отдельные эксперименты были избыточны. На практике начну с простого.

Черкасов немного смягчился.

— Начните с того, чтобы вернуться. Всё остальное можно обсудить после.

Я пообещал постараться. Возможность продолжить разго-

вор после практики устраивала и меня.

Когда подошёл к сборному пункту, уже смеркалось. Впереди светились прожекторы терминала. На бетонной площадке стояли машины, а у служебного входа проверяли удостоверения. Я остановился на секунду, оглянулся на вечернюю Москву и неожиданно почувствовал лёгкую ностальгию.

Пожалуй, я привык к этому городу. К академии, к мастерской, к знакомым лицам. Привычка — вещь неприятная: иногда создаёт иллюзию, будто тебе есть что терять.

Терять действительно было что: свободу, источник, деньги и жизнь. Значит, в разломе следовало получить за риск не одни красивые воспоминания.

Разумный человек выбрал бы курорт. Я выбрал риск — потому что зависимость от более сильных людей раздражала меня куда больше потенциальной смерти.

Я поправил ремень сумки и вошёл на территорию терминала.

На грузовом терминале готовили воинский эшелон: два пассажирских вагона, санитарный вагон, вагон-мастерскую с накопителями, несколько платформ с бронемашинами и контейнерами, впереди — локомотив под защитной решёткой. На площадке стояли три десятка студентов, почти вдвое больше вооружённых людей и техники, чем я ожидал. Достаточно серьёзная компания, чтобы поездка выглядела не развлечением, а доставкой дорогостоящего мяса к месту пе-

реработки.

Журавлёва распределяла добровольцев по отделениям. Ратников спорил с транспортным офицером возле контейнера, покрытого светящимися пломбами. Барышев махнул мне рукой. Я ответил жестом, который при некотором воображении можно было принять за приветствие, и отправился к ведомости.

В соседней очереди стояла худенькая темноволосая девушка в форме другой академии. Она внимательно изучала памятку и помечала что-то карандашом.

— Эти пункты действительно обязательны? — спросила она, заметив мой взгляд.

— Зависит от того, насколько вы любите жить.

— Я о порядке проверки защитного накопителя. Здесь написано «ежечасно», а в приложении — «каждые два часа».

Наконец-то серьёзный вопрос. В памятке действительно обнаружилось противоречие.

— Уточняйте у командира. В документах разногласие.

— Лида Соколова. Архангельское отделение имперского колледжа.

— Демьян Ильин. Москва.

— Знаю, — сказала она без особого восторга. — Про вас уже успели рассказать.

— Сочувствую.

Она ушла искать ответственного. А я подумал, что в отличие от Барышева эта девушка хотя бы читает. Может быть,

у неё и есть шанс дожить до возвращения.

До вагонов нас не пропускали, пока каждый не повторил собственный номер и место при тревоге. Интендант стоял над раскрытой ведомостью, сверяя фамилии с грузовыми бирками. По соседству сержант проверял не внешний вид разгрузок, а возможность добраться до их содержимого в перчатках. Барышев вынул из красивого чехла запасной накопитель, зацепил крышкой ремень и сердито дёрнул. Сержант подождал.

— Если эту руку тебе прижмёт, второй достанешь?

Мирон попробовал. Не достал.

— Перевесь. Потом покажешь ещё раз.

Я переставил свой наружный запас, не дожидаясь очереди. Пришлось отказаться от удобного симметричного расположения. В зеркале такой вариант выглядел хуже. В жизни зеркала редко пытались отгрызть мне конечность, поэтому их мнение не учитывал.

На другом конце площадки проверяли защитные пломбы санитарного вагона. Двое техников поочерёдно снимали питание с отдельных контуров. Светящаяся полоса на борту гасла кусками и снова загоралась. Пока один работал, второй вслух называл показания, а третий записывал их в журнал. По лицам было видно, что процедура всем надоела задолго до моего появления.

Я посмотрел на контейнеры с медицинским знаком и спросил, почему их ставят не в середину состава.

— Потому что нам нужен выход на обе стороны, — ответила проходившая Круглова. — И подъезд к носилкам. В середине зажмут платформами.

— А при ударе с хвоста?

— Работает охрана. Я не могу одновременно получить свободный выход и спрятаться в стальном ящике. Ты руку покажи.

Она осмотрела повязку, разрешила убрать её под рукав и напомнила о запрете. Отёка не было. Допуск остался при мне, хотя выражение лица майора ясно показывало, что она дала бы мне хороший подзатыльник, если бы он считался доказанным методом профилактики.

Неподалёку Ратников закончил спор с транспортным офицером. Я расслышал слова о запасном маршруте, лимите времени и второй точке разгрузки. Подполковник не требовал от железнодорожников сотворить чудо. Просил назвать точное место, после которого тяжёлые платформы нельзя будет снять с ветки без специального крана. Ответ записал сам.

На плане маршрут был прямой линией. Здесь он распался на топливо, ширину проездов, исправность сцепок и знания людей, которым предстояло снимать бронемашины с платформ. В прежней работе я платил за чужое умение решить подобные вопросы заранее. Сейчас за него платило государство, деньги явно потратили с толком.

— Сектора не являются вашими личными участками для охоты, — объявила Журавлёва, когда нас собрали возле ва-

гона. — Если соседний сектор пуст, сообщаете. Если видите постороннего между линиями, сообщаете. Если можете помочь, не открывая проход, помогаете. Самостоятельно менять позицию запрещено.

Один из добровольцев спросил, что делать, если приказ не слышно.

Капитан показала два простых жеста и заставила нас повторить. Отход и остановка. Два жеста, которые можно распознать даже под обстрелом. Академические сигналы были красивее; жаль, противника некому обязать смотреть представление.

Я нашёл красную полосу на бетоне, проследил, куда она упирается между платформами, и посмотрел на верх контейнера справа. Там тоже был путь к вагону, если у противника хватит лап. Отметил его для себя и вернулся к сумке.

Первый взрыв прозвучал, когда я ставил сумку в вагон.

Состав дрогнул. За окнами вспыхнуло белое, затем в сторону грузовых кранов потянулся столб чёрного дыма. Двое рабочих побежали вдоль платформы, один упал, второй не остановился. Из-за штабеля контейнеров вырвалось существо размером с крупную собаку — сухое, низкое, с длинными передними лапами и спиной, покрытой иглами.

Я успел заметить ещё три таких силуэта.

— Прорыв! — заорал кто-то снаружи.

Очень вовремя предупредили. Я уж принял зубастых гостей за артистов гастрольного театра.

Военные сработали быстро. У дверей вагона возникла защитная стенка, двое бойцов перекрыли проход между платформами, старший группы выкрикнул сектора. Я спрыгнул на землю, удерживая в голове простой вопрос: где моя сумка и сколько этих тварей может добраться до транспорта.

В Москве, во время «Контура», мне довелось видеть работу силовиков. Но одно дело — несколько часов закрывать городской прорыв, когда за спиной больницы и резервные группы. Другое — садиться в поезд, где ту же самую работу придётся делать днями подряд, а ближайший выход из боя может оказаться за сотню километров. Здесь командиры думали не о красивом ударе, а о том, сколько людей и техники останется у них после него.

— Ильин! Правый сектор, не выходить за красную линию! — крикнула Журавлёва.

В ответ я поднял ладонь. Первого иглореза воздушный удар отбросил под колёса погрузчика. Второй успел повернуться боком, и мои ледяные осколки ушли в контейнер. Быстрый, зараза.

Он прыгнул к человеку в оранжевой жилетке. Рабочий успел закрыть голову руками. Между нами оказались погрузчик и край контейнера. Чтобы наверняка сбить зверя прямым ударом до контакта с рабочим, пришлось бы выйти за красную линию и открыть проход к вагонам. Из своей позиции я видел только нижнюю часть его прыжка.

Не мой день благотворительности.

— Левый отход! — прозвучала команда.

Я поднял невысокую каменную стенку между платформой и рабочим, прямо под линией прыжка. Тварь врезалась в неё плечом, не долетела до человека и, пытаясь обойти преграду, подставила ноги под мою узкую воздушную волну. Добивать пришлось огнём. Пахнуло жареной шерстью и какой-то металлической дрянью. Рабочий кричал, прижав руки к лицу. Ни крови, ни новых дырок я на нём не увидел. Значит, отложил знакомство с местной фауной на другой день.

Третья тварь полезла по стенке склада и попыталась перепрыгнуть за защиту. Её сбил выстрел из армейского накопителя; сержант рядом с вагоном аккуратно поставил второй удар, не задев железнодорожное оборудование. Четвёртая ушла под платформу. Я услышал скрежет у самых ног; из-под кромки высунулась игольчатая спина. Отскочил и направил огненную плеть вдоль открывшейся полосы бетона, не задевая вагон.

Откуда-то донёсся новый хлопок. На мгновение защитные решётки локомотива засияли, отразив волну чужой энергии. В просвете между кранами мелькнуло дрожащее пятно воздуха, похожее на горячий маревый разрез. Через несколько секунд оно схлопнулось.

— Проход закрыт! — доложил боец.

Тишина наступила не сразу. Сначала стреляли ещё дважды, затем орали раненые, потом загудели аварийные двигатели. Мир вернулся к нормальному состоянию, которое для

железнодорожного терминала включало дым, запах горелой резины и вопли начальства.

Я стоял, проверяя резерв, и вдруг перестал замечать шум терминала. После серии ударных форм, каменной стенки и нескольких быстрых поправок энергии осталось неприлично много. По старым расчётам я должен был почувствовать куда более глубокую просадку. Запястье ныло — вероятно, от слишком резкого прыжка. Щит локомотива выдержал; перспектива пешком тащиться до разлома отпала.

Я ещё раз прошёлся по внутреннему ощущению ёмкости. Ошибки не было. После перехода на второй ранг источник разросся далеко за тот прирост, который я успел принять за нормальный. Не прибавка на пару хороших заклинаний — целый лишний запас, обнаруженный только сейчас, когда пришлось потратиться всерьёз. Блядь. А я-то думал, что уже разобрался со своей новой игрушкой.

При этом лишняя ёмкость не расширяла магические каналы. Поставить вдвое более тяжёлый щит одной мыслью я не мог, а запястье честно напоминало о цене каждого резкого движения. Зато драться можно было дольше. Гораздо дольше. Проверять предел на глазах у военных я не собирался: сначала выясню его сам, желательно без толпы любопытных с диагностическими приборами.

Ратников подошёл к нам в сопровождении Журавлёвой. За его спиной медики укладывали пострадавшего на носилки. Одно тело возле крана накрыли плащом. Ещё одно оста-

валось под рухнувшим штабелем. Похоже, рабочим не повезло.

— Потери? — спросил он.

— Два гражданских подтверждены, трое ранены, — ответила капитан. — С нашей стороны без потерь. Добровольцы не выходили из назначенных секторов. Ильин перекрыл проход к платформам, Соколова удержала защиту у санитарного вагона.

Значит, девушка читала не только памятки. Приятно.

— Причина? — спросил подполковник.

— Прорыв вне прогнозируемой полосы. Портал неустойчивый. След от объекта короткий, классификацию уточняем.

Ратников посмотрел в сторону накрытых тел, потом на эшелон.

— Отправление через сорок минут. Полную очистку района проведёт местный гарнизон. Наш маршрут не меняется.

— В такой обстановке? — удивился Барышев, стоявший среди студентов.

— В какой именно, господин Барышев? — спросил Ратников.

— После нападения. Может, нужно дождаться объяснений?

— Объяснений монстрам? — уточнил я. — Боюсь, они не подписывали расписание.

Подполковник перевёл взгляд на меня.

— Ильин, ещё одно слово без разрешения — будете разгружать санитарные контейнеры до отправления.

Я закрыл рот. Таскать тяжести мне сегодня и без того запретили.

Следующие двадцать минут оказались неприятнее самого нападения. Техники не разрешали касаться повреждённых контейнеров, охрана не позволяла отходить от эшелона, студенты пытались выяснить, кто виноват. В результате все стояли там, где мешали меньше всего, и слушали, как под рухнувшими конструкциями режут металл.

У правой платформы я помогал сержанту проверять, не осталось ли под вагонами чего-нибудь зубастого. Он просвечивал тёмные промежутки узким лучом, я закрывал щели, которые нельзя было быстро осмотреть. Землю трогать не пришлось. Плоский ледяной затвор упёрся в раму, запечатал проход между колёсами и продержался ровно столько, сколько потребовалось бойцу на другой стороне. Он поднял два пальца. Я распустил лёд.

— Твоя с иглами легла где? — спросил сержант.

Я показал обугленную тушу.

— Не подходи. После смерти разряжаются.

— Насколько далеко?

— Бывает, на три шага. Бывает, на семь.

Статистика потрясающей точности. Я отступил на восемь.

Сержант подобрал с бетона отрезок трубы и бросил на спину твари. Иглы хлестнули веером. Две впились в стенку

контейнера так глубоко, что снаружи остались короткие тёмные кончики. Ещё одна ударила в защиту у его лица и упала, шипя на мокром бетоне.

При жизни иглорез показался мне не особенно страшным. После смерти стал значительно интереснее. В прежней профессии трупы обычно не требовали повторной проверки боеспособности, если только к ним не приложили фантазию сапёра.

— Это у всех таких? — спросил я.

— У этих. Другие виды по-другому радуют. Не трогать останки, пока не разрешили.

Он пометил место красной пластиной и повёл луч дальше. Без лишнего наставничества, просто продолжая работу. Я запомнил и форму игл, и то, как коротко они дёрнулись перед выбросом. Потом приподнял сумку с платформы левой рукой. Правую решил пока поберечь даже от подобной ерунды.

За ограждением рабочий в оранжевом жилете давал показания. Тот самый, перед которым я поставил стенку. Говорил сбивчиво, несколько раз показывал в мою сторону. Я услышал только «не успевал» и «камень передо мной». Его собеседник записывал, не поднимая головы.

На площадке возле крана появилась Круглова. Она остановилась у носилок, посмотрела на лицо пострадавшего, коротко спросила о времени ранения и велела переносить его в санитарный вагон. Погрузчик уже расчистил проезд. Всё

выглядело слишком буднично для только что случившейся гибели двух человек. Однако именно эта будничность позволила раненым получить помощь, пока желающие осмыслить трагедию продолжали осмыслять её на безопасном расстоянии.

Высокий доброволец молча подал санитару упаковку перевязочного материала. Соколова стояла у входа в вагон, придерживая защитный контур, пока проносили носилки. На её лице блестел пот. Большую оболочку девушка уже сняла, оставила узкую полосу над дверью. Разумно: опасность прошла, а полный резерв назад по требованию не вернётся.

Подошедшая Журавлёва спросила, где я использовал огонь. Я показал два места. Она сверила их с расположением вагонов и велела техникам проверить нижний кабель у платформы. Оказалось, моей плетью я задел изоляцию. Сам провод остался цел, но участок заменили.

По самолюбию прилетело заслуженно. Тварь сгорела отлично, а вот кабель в её уничтожении участвовать не подписывался. Я убрал огненный накопитель глубже и сделал пометку в телефоне: у техники сначала искать то, что может загореться. В идеале раньше самой техники.

Когда прозвучал сигнал посадки, на месте прорыва уже работали местные специалисты. Мы уезжали, оставляя им тела, расплавленную изоляцию и объяснения. Неплохой результат для людей, которые явились сюда всего лишь сесть в поезд.

Позже, уже в вагоне, офицер связи зачитывал донесения о двух похожих прорывах на северном направлении. За окном рабочие снимали повреждённые плиты. Девушка из медицинской службы протирала залитую кровью каталку. Под колёсами санитарной машины валялся чей-то ботинок.

Студенты переговаривались вполголоса. Кто-то спрашивал, не отменят ли практику. Кто-то уверял, что это редкое совпадение. Барышев пытался снова шутить, но получалось плохо.

Я смотрел на тёмную платформу и чувствовал, как под грудиной постепенно успокаивается источник. Потраченное не могло вернуться по щелчку пальцев; просто теперь внутри оставалось столько, сколько ещё недавно я счёл бы отличным запасом перед боем.

Удивительное дело. Мы ещё не выехали из Москвы, а местная фауна уже настойчиво добивалась знакомства. Если так пойдёт дальше, отпуск обещал выйти насыщенным.

Поезд дёрнулся.

— Ну что, — пробормотал я, устраиваясь у окна. — Добро пожаловать, мать её, в образование повышенной опасности.

За последним фонарём терминала начиналась темнота. И где-то в ней, судя по последним донесениям, нам уже готовили следующую контрольную работу.

Глава 2. Плацкарт до преисподней

Проснулся я от удара локтем по рёбрам. Увы, не боевого.

На соседней полке высокий парень пытался достать чемодан, а его представления о личном пространстве явно сформировались в коровнике.

— Прости, — пробормотал он. — Поезд тормозит.

— Удивительно. А я подумал, что мы влетели в стену и ты пытаешься первым выбраться через мои кишки.

Парень смутился. Звали его Григорий Ярцев. Он приехал из Нижегородского инженерно-магического училища, имел приличную подготовку по защите и совершенно негодный характер для долгой поездки: ему хотелось разговаривать.

Ярцев мог поддержать беседу даже с багажной сеткой. В прошлой жизни излишне разговорчивых людей было легко читать: они сами выдавали то, что другим приходилось вытаскивать клещами. Этот, кажется, просто боялся тишины. Я отобрал у него печенье и тем самым на несколько секунд обеспечил себе покой.

— На станции, говорят, проверка пути, — сообщил он.

— Значит, нас проверят на терпение.

Я сел, потянулся и осторожно проверил запястье. Боль стала тупой, не острой. Майор Круглова оставила мазь и запретила заглушать боль усилением: оно могло убрать ощущение усталости, не исправив саму повреждённую связку. Чувствовать себя здоровым, пока сухожилие разваливается внутри, — сомнительное удовольствие.

За окном проплывали серые бетонные стены. Ехали по северному тоннельному обходу, который построили после

закрытия нескольких участков обычной магистрали. Утро только начиналось. На экране вагонного терминала горела надпись «Внимание: контрольный участок. Связь ограничена».

Я успел сделать два глотка кофе, когда поезд остановился слишком резко.

Сначала исчез ровный стук колёс. Потом пол дрогнул, лампы моргнули, и за стеной коридора раздался страшный металлический скрежет. Кто-то с верхней полки рухнул на пол. Посыпались сумки.

— Всем оставаться на местах! — заорал сержант у двери.

По рации шёл короткий, злой обмен командами. Впереди, у технической секции, видимо, случилась неприятность. Я шагнул в проход, поставил ботинки шире, чтобы не упасть при следующем толчке. В этот момент в стекло двери врезалось нечто, напоминавшее мокрый мешок с гвоздями.

Мешок раскрыл пасть.

— Ярцев, назад! — сказал я.

Дверь взорвалась осколками. Сквозь неё полезла длинная тварь с четырьмя сгибающимися лапами и узкой головой, усеянной зубами, как треснувшая пила. В коридоре ей было не развернуться, но для прямого броска места хватало.

Воздушный удар в голову оттолкнул морду на полметра. Тварь ощерилась, цепляясь когтями за обшивку. Бить огнём здесь было нельзя: рядом пассажирский вагон, деревянные панели, проводка и люди, которые горят ничуть не хуже об-

шивки. Я заблокировал проход ледяной распоркой, чтобы морда не достала людей за моей спиной, затем вдоль оси коридора вогнал тяжёлый каменный снаряд в основание шеи.

Под пальцами отдачей отозвался хруст.

Тварь дёрнулась, но не умерла. Пришлось повторить. По полу растеклась тёмная жидкость с запахом ржавого мяса.

— В заднем вагоне тоже! — крикнули из-за спины.

Григорий уже удерживал щит на проходе. Две девушки помогали раненому студенту подняться. У окна стояла Лида Соколова, и вокруг её ладоней мерцало ровное голубоватое свечение. Она гасила осколки, летевшие из разбитого тамбура.

— Ильин! Вправо! — прозвучал голос Журавлёвой.

Я бросился к соседнему отсеку и увидел, как капитан вдавливает тварь в стену короткой серией ударов. Не руками, разумеется: её магия работала так экономно, что я видел лишь результат. Три вспышки, три сломанных сустава, затем металлический шип в позвоночник.

— Не занимайся моей! — рявкнула она. — За дверью механики, помоги им!

Ух ты. Наконец-то осмысленная задача.

В техническом отсеке один рабочий висел на поручне, второй лежал у стенки. За их спинами из вентиляционной шахты высовывалась длинная лапа с перепонками. Я поставил поперёк вентиляционного люка плоскую каменную заслонку, а между её краем и железом втиснул узкий воздуш-

ный клин. Из шахты донёсся визг. Журавлёва обошла заслонку через боковой служебный проём и добила существо, не разбирая нашу преграду.

— Дверь закрыть! — скомандовала она.

Дверь удалось закрыть без дополнительных разрушений.

Мы остались со стороны технического отсека, отгородившись от повреждённого перехода. Дверь тут же выгнулась наружу. Не от новой твари — с той стороны распрямилась зажатая металлическая рама. Я удержал её воздушной подушкой, а капитан велела мне отойти от линии петель. Из верхней щели посыпались клочья изоляции.

— Руку убери! — приказала она рабочему.

Тот не слышал. Висел на поручне, так крепко, что побелели костяшки. Под ногами у него лежал второй механик, уже почти без сознания. Кровь стекала на рифлёный настил и уходила в щель. Я видел белые пальцы на поручне и понимал, что ещё один толчок просто сорвёт человека вниз вместе с тем, кого он держит.

Я подставил под раненого короткую воздушную опору, ровно настолько плотную, чтобы принять часть веса. Рабочий дёрнулся, не понимая, почему стало легче.

— Отпускай. Его держат.

Рабочий не слушал. Я поймал его взгляд и повторил приказ так, чтобы до него дошло. Только тогда пальцы разжались. Свободной рукой механик схватился за мой рукав и потянул к себе с силой человека, которому очень хочется вы-

жить. Запястье отозвалось болью. Я развернул локоть, сбросил захват и велел ему ползти к капитану.

Ещё один опыт для любителей красивых спасений. Спасаемый вовсе не обязан удобно лежать и благодарить. Иногда он первым делом пытается утащить тебя туда, откуда ты его вытаскиваешь.

Журавлёва приняла рабочего, перекинула его руку себе через плечо. Я двигал второго по полу почти без подъёма: в тесном отсеке нельзя было развернуть широкую подушку. Над головой мигала красная лампа. На каждом её провале тёмные щели казались глубже, и за одной из них ещё скребли когти.

— Она мертва? — спросил механик.

— Работай ногами, — ответила капитан. — Про неё потом.

У выхода нас сменил санитар. Он уже держал открытую упаковку, даже не посмотрев на убитое существо. Мне предложили прижать плотный валик к повязке. Я прижал. Сила здесь требовалась умеренная, неприятно было только чувствовать под ладонью, насколько быстро ткань намокает.

Санитар назвал время и спросил имя раненого. Рабочий начал отвечать за него. Сбивался, повторял отчество, пытался объяснить, что дверь заклинило сразу, а ножовка осталась снаружи. Никто не требовал связного рассказа. Ему дали конкретную работу — держать носилки с другой стороны. Он замолчал и взялся за ручку.

В переходе возник Ярцев. Увидел кровь, остановился, на секунду перекрыв проход. Я толкнул его плечом в свободную нишу.

— Проводку сверху убери.

Григорий оглянулся и поднял свисающий кабель маленьким щитом. Хорошая реакция: не начал выяснять, имею ли я право командовать. Мы протащили носилки под ним. Раненый тихо застонал и замолчал, отчего санитар сразу ускорился.

Я остался возле двери. Капитан показала на мои ладони, затем на пол: опору можно снимать. Воздух под телом уже не требовался. Распустив форму, я только тогда понял, как сильно свело пальцы левой руки. Не от тяжести, а от долгого напряжения.

В соседнем проходе молодой солдат вёл студентов по одному, придерживая каждого за плечо у ступеньки. Последнюю девушку пришлось развернуть: она искала упавший телефон. Солдат поднял его сам, сунул ей в карман и отправил дальше. Без угроз, без бодрящего вопля о долге. На воспитание у солдата не оставалось времени: за спиной уже подходили следующие.

Резерв просел сильнее, чем хотелось. Ледяная распорка, щит, удары, поддержка раненого — по отдельности мелочь, вместе набежал приличный счёт. Но запас всё ещё оставался, и это после двух серьёзных стычек подряд. А вот пальцы левой руки свело так, будто они собирались подать заявле-

ние об увольнении. Ещё одно доказательство: увеличившийся источник не обещал новых сухожилий. Теперь хотелось поесть и побыть там, где вентиляция служит людям, а не доставке хищников.

Вывод напрашивался приятный и раздражающий одновременно. По ёмкости я теперь тянул на мага, которому положено смотреть на второго ранга сверху вниз. По состоянию рук — на неудачника, переоценившего собственные суставы. Придётся подождать, пока мясо догонит источник. Ненавижу, когда перспективы развития упираются в физиологию.

Снаружи поезда стреляли. Грохот отдавался в стенах. Военный эшелон тянулся почти на сотню метров, и звуки путались, как голоса в плохом телефонном соединении.

Когда контакт закончился, выяснилось, что трещина открылась в стене сервисного тоннеля, прямо напротив ремонтной бригады. Из неё вышли восемь длинноногих тварей. Четырёх уничтожили военные на подходе, три прорвались в состав, последняя попыталась забраться к локомотиву и погибла под общим огнём охраны.

Один механик умер до приезда медиков. Второй, которого мы вытащили, потерял руку. Несколько студентов отделались ушибами и паникой. В общем, авария средней степени полезности — если оценивать по количеству новых знаний и числу погибших.

В тоннеле было душно, несмотря на холодный утренний воздух. Вентиляция работала с перебоями, а аварийные

лампы только усиливали впечатление, будто мы застряли в огромной консервной банке. У санитарного вагона медики развернули переносные ширмы. Раненых переносили туда по одному, проверяя не только видимые повреждения, но и следы аномального воздействия.

Я помог донести сломанный стеллаж к стене, чтобы освободить проход. Потом остановился возле разбитой двери нашего вагона. На полу лежал обломок той самой распорки, которой я задержал тварь. Лёд уже растаял, осталась вода с металлическим привкусом.

Никакой магической поэзии. Зато дверь цела ровно настолько, чтобы её можно было закрыть до прибытия ремонтников.

Журавлёва ходила между отсеками и записывала, кто что видел. Сержант Шмелёв проверял защитные линии. Ратников разговаривал по связи с тоннельным диспетчером, пытаясь выяснить, как именно нестабильная щель открылась внутри защищённого участка.

— Два часа назад приборы были чистые, — утверждал диспетчер. — Ни одного предупреждения.

— Значит, либо приборы ошиблись, либо участок перестал соответствовать прогнозу, — ответил подполковник. — Меня не интересует, почему это не могло случиться. Меня интересует, где появится следующее.

Я прошёл мимо, услышав очередное «этого не могло случиться». Пока люди доказывали невозможность прорыва,

техники уже меняли испорченные датчики.

В санитарном вагоне лежал механик, которого мы вытащили из технического отсека. Руку ему закрыли тяжёлой повязкой, под неё подложили несколько диагностических пластин. Он ещё был в сознании. Заметив меня, попытался подняться.

— Там... другой... — выдохнул он.

— Знаю, — ответил я. — Его уже забрали.

— Живой?

Он ждал ответа. Врать человеку, только что лишившемуся части тела, не имело смысла. Вопрос был поставлен прямо. Ответ следовало дать такой же — без лишних подробностей.

— Его осматривали врачи, — сказал я. — Тебе сейчас лучше лежать.

Он закрыл глаза. Медик рядом благодарно кивнул. Странная благодарность за то, что я не стал оглашать подробности, которых он не просил.

Из соседнего отсека доносились голоса добровольцев. Кто-то нервно смеялся, кто-то просил разрешения связаться с семьёй. Связи не было. В тоннеле работал лишь военный канал, и даже он время от времени шипел так, словно в проводах поселилось небольшое чудовище.

Один парень долго пытался открыть сообщение матери, потом швырнул телефон на койку.

— Всё же должны были предупредить, — сказал он. — Мы ведь ещё даже не у разлома!

— Предупредили, — ответил Ярцев, сидевший возле двери. — В документах было написано про возможность прорывов вне основных границ.

— Да кто их читает все!

— Полезная привычка, — заметил я, проходя мимо. — Особенно когда подписываешь согласие на собственную гибель.

Парень посмотрел на меня так, будто я лично вытащил тварь из вентиляционной шахты. Похоже, в его картине мира опасность обязана была дождаться окончания инструктажа.

Потом один из солдат показал добровольцам повреждённую дверь и заставил повторить порядок выхода из тесного помещения. Оказывается, в случае атаки нельзя всем сразу бежать к единственному проёму. Кто-то должен держать линию, остальные — отходить по очереди, не загораживая друг другу движение.

— И если у вас есть широкий огонь, — добавил солдат, — не суйте его туда, где наши стоят в трёх шагах. У нас и так достаточно проблем.

Запасной огненный накопитель так и остался нетронутым. Приятно находить подтверждение собственным решениям в чужом уставе.

Мы повторили манёвр несколько раз на пустом участке. Под ногами хрустели осколки, над головой стучали ремонтные бригады, но даже в таких условиях военные нашли время заставить студентов двигаться нормально. Утром студен-

ты толкались у выходов. После пяти повторений хотя бы перестали наступать друг другу на пятки. Неплохая цена за этот «педантизм».

Журавлёва остановилась рядом.

— Тебе почему удаётся не путаться в тесном пространстве?

— Не люблю толпу.

— Не совсем ответ.

— Тогда другой: стараюсь всегда знать, где выход.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Ты работаешь как человек, который бывал в таких ситуациях раньше. И всё равно иногда двигаешься с запозданием.

— Возможно, долгие академические занятия сделали меня ленивым.

— Академия за несколько месяцев не делает человека таким.

Я улыбнулся.

— Тогда спишем на врождённый талант.

Она не спорила. Лишь на миг задержала взгляд на моих руках — и сменила тему. Журавлёва умела замечать несоответствия и не вытягивать ответы посреди работы.

Через полчаса тоннельный диспетчер сообщил, что пути восстановить быстро не удастся. Нужна проверка соседних ниш, а ремонтный поезд задерживается. Нас позвали к командиру за новым распоряжением.

В этот момент я особенно остро почувствовал, сколько преимуществ даёт обычная логистика. Можно иметь сильнейшего мага и всё равно застрять здесь без топлива, заряженных накопителей и санитарного транспорта. Посреди леса подобные мелочи быстро превращали гения в голодного идиота с пустыми руками.

Я подхватил сумку и пошёл к платформам. Никаких великих откровений. Просто очередная утренняя попытка добраться туда, где нас планировали убивать официально.

До выхода на ночную стоянку оставалось ещё несколько часов. Техники проверяли бронемашины, военные перетаскивали уцелевшее оборудование с железнодорожных платформ. Я помогал выгружать ящики с накопителями, выбирая те, что не требовали особенного усилия правой рукой. Вопрос престижа меня не занимал. Но таскать тяжёлое вручную, когда можно использовать магию, — вот это уже выглядело глупо. Впрочем, запас энергии следовало беречь на случай нового нападения.

У бойцов накопители лежали по-разному: часть у груди, часть в наружных карманах. Спросил Шмелёва, зачем их делят на две группы.

— Наружные расходуем сразу, — объяснил он. — Если пробьют жилет, не хочу, чтобы тварь заодно забрала мой последний резерв. Внутренние — на случай отступления. Человек, который всё потратил в начале, обычно остаётся там, где стоял.

— Хорошая система.

— Не моя. Уставная.

— Устав иногда пишут люди, которые не знают, о чём говорят. Приятно встретить исключение.

Сержант взглянул на меня.

— Как по-твоему, сколько человек должно умереть, чтобы такую мелочь внесли в устав?

На его разгрузке крепления были затёрты, некоторые пряжки заменены вручную, а у левого плеча красовалась старая заплатка. И ни одной лишней вещи.

— Слишком много, — ответил я.

— Вот именно.

Мы закончили разгрузку. Он отправился к своим, а я сделал пометку в списке оборудования. Не открытие века, но полезная привычка. В прежней жизни запасной магазин тоже носили не там, где красивее смотрелся, а там, где он оказывался под пальцами в худший момент жизни.

У полевой кухни разговоры шли громче обычного. Студенты из Уфы обсуждали утреннюю стычку в тоннеле. Один убеждал остальных, что нападение было предсказуемым и военные должны были заранее закрыть техническую шахту. Другой возражал: если перекрывать каждую шахту по всей железной дороге, построить новую Империю окажется дешевле.

Я взял горячий чай и прошёл к дальнему столу. Там сидела Соколова, делая записи в полевом журнале. На первой

странице я увидел схему нашей обороны в тоннеле, рядом — расход резерва на каждом участке. Она подняла глаза.

— Выбираешь компанию?

— Наоборот. Место, где меня не будут уговаривать вспомнить счастливое детство.

— Садись, если хочешь.

Я сел. Спросил, что она записывает. Оказалось, Лида просматривала собственные ошибки. В тоннеле поставила защиту слишком высоко, поэтому нижние осколки прошли бы к раненым, если бы сержант не добавил второй слой. На станции потратила много энергии на один длинный щит вместо нескольких коротких.

— Хороший подход, — сказал я. — Большинство людей предпочитает записывать чужие ошибки.

— А ты свои записываешь?

— Иногда. Когда не могу забыть.

Она усмехнулась.

— Надо же. Ты способен признавать, что чего-то не умеешь.

— Естественно. Я не умею играть на скрипке, выращивать орхидеи и разговаривать с чиновниками без желания убить кого-нибудь. Список большой.

— Я имела в виду боевую магию.

— Там список ещё больше.

Лида задумалась. Я допил чай и посмотрел на часы: маршрут ещё не восстановили, а мы уже успели разобрать чужие

заслуги и недостатки.

Лида спросила, почему я не потратил больше энергии в тоннеле, хотя мог разнести нападавшее существо сразу.

— Потому что дверь была тесная, — ответил я. — Если бы оно погибло в проёме, мы всё равно не смогли бы быстро пройти. А за ней оставались механики. Мне нужен был контроль, не красивый взрыв.

— Военные тоже так сделали бы.

— Надеюсь. Они профессионалы.

— Барышев считает, что тебя нельзя ставить в один строй с нормальными людьми.

— Какое интересное заявление. Передай ему, что я тоже не в восторге от количества нормальных людей вокруг.

— Не передам.

К нам подошёл Ярцев с двумя кружками. Одну поставил перед Лидой, вторую держал в руке. На рукаве у него белела свежая заплатка; под левым глазом наливался синяк.

— Слышал, тебе запретили усиление, — сказал он.

— Ненадолго.

— Значит, следующие бои придётся вести головой.

— В отличие от некоторых, я всегда так делаю.

Он хотел возразить, но Лида сказала, что лучше бы нам обоим помолчать. Мы послушались на целых десять секунд.

Позже я увидел, как медики выносят тело погибшего механика из тоннельного вагона. Его накрыли плотной тканью, к носилкам прикрепили бирку. Неподалёку стоял совсем мо-

лодой солдат, сжав губы так сильно, что они побелели. Видимо, был знаком с мёртвым.

Я не испытывал желания утешать его. Но отметил, что в отряде потери считают поимённо, а не общей строкой статистики. Для командования это не только долг перед погибшими — способ понять, какие функции нужно срочно восстанавливать. Один хороший механик может быть нужнее десятка стрелков. Сложно защищать людей от чудовищ, если собственная техника окончательно умерла от нехватки обслуживания.

Шмелёв подошёл к солдату, сказал что-то тихо и положил руку ему на плечо. Молодой кивнул. Через минуту вернулся к проверке машины.

В этом и заключалась ценность опытного подразделения: люди могли злиться, бояться и скорбеть, не прекращая работы.

Ратников встретил нас возле повреждённой секции.

— Проход перекрыт. Разлом закрылся. Путь восстановят не раньше вечера. Машины снимаем с платформ и уходим по служебной дороге.

— Состав бросаем? — спросил старший транспортной группы.

— Пока оставляем под охраной местного гарнизона. Людей вывезем. Периметр не удержим с учебной группой под боком.

Разумный приказ. Мне уже нравилось, что подполковник

не занимался героическими самоубийствами ради целостности казённого имущества.

Перед пересадкой нас заставили по очереди выложить имущество на брезент. После тоннеля половина мелких вещей оказалась не там, где их ожидали найти владельцы. Кто-то потерял перчатку, кто-то аптечный пакет, один доброволец уверял, что запасной накопитель остался под койкой в закрытой секции. Сержант выслушал его и отправил за новым по ведомости. За старым послал бойца, уже работавшего в том вагоне.

На брезенте у меня не хватало только маленького фонаря. Я нашёл его под подкладкой сумки, куда тот провалился после резкого торможения. Шмелёв подождал, пока застегну внутренний карман, и велел надеть перчатки.

— Достань перевязку.

Достал.

— Другой рукой.

Вот тут получилось хуже. Клапан был узким. Я раскрыл его ногтем, прежде чем понял, как нелепо это выглядело в защитной перчатке. Сержант положил рядом ножницы и молча поднял бровь.

Я срезал лишнюю ленту. Результат оказался некрасивым и удобным. В прежней работе со мной ездил человек, который мог час спорить о расположении аптечки в машине. Тогда я считал его занудой. Теперь подумал, что следовало платить ему чуть больше. Хотя вряд ли это сделало бы его менее

невыносимым.

Распределение мест обсуждали не по принципу «кому с кем веселее». Сначала определили места для раненых, потом распределяли защитников и проверяли, сколько людей в каждой машине сможет удерживать короткий щит. Ни один броневик не оставили со всеми сильными магами сразу. Круглова несколько раз поменяла фамилии в списках, и транспортный офицер даже не спорил. С её стороны виднелись носилки, с его — количество посадочных мест. Приходилось договариваться.

Одни бойцы садились лицом к выходу, другие — вдоль борта. Разгадка нашлась, когда увидел, куда развёрнуты крепления тяжёлого оружия. При открытом люке никому не требовалось переползать через чужие колени. У места старшего оставили свободным узкий участок пола. Просто в нём он мог встать, не расталкивая студентов.

Барышев попытался перенести свой рюкзак в другую машину, где оставалось двое знакомых. Ему отказали. Он начал объяснять, что они сработались на полигоне. Ответ был коротким: на полигоне они не находились внутри движущейся колонны.

— Пара знакомых лиц помогает сохранять спокойствие, — сказал он уже тише.

Шмелёв кивнул.

— У меня тоже. Поэтому мои люди поедут там, куда я их поставил.

Мирон вернулся к своей машине. Рюкзак болтался у Мирона за спиной выставкой лишних ремней, удобных ручек и ярких нашивок. На городской прогулке выглядело бы прилично. Среди мокрых веток и металлических крючьев — готовая заявка на задержку эвакуации.

Нам показали запасной выход в полу и запретили трогать его без команды. Потом нас предупредили: после посадки каждый обязан запомнить, кто сидит справа и слева. Для знакомства способ был унылым, для проверки наличия людей — полезным. В случае переворота я хотел знать, за какую ногу меня держат, прежде чем начну от неё избавляться.

Пока заводили двигатели, транспортный офицер прошёл вдоль машин, сверяя номера. Один броневик не завёлся с первого раза. Колонна ждала. Барышев через открытый люк сообщил, что снаружи мы стоим слишком долго. Никто не ответил. За неисправной машиной уже работали двое техников, а её сектор закрывал соседний расчёт.

Мне понравилось отсутствие спешки. Хорошо подготовленный отход часто раздражает именно тем, что выглядит медленным. Зато потом не приходится возвращаться за людьми, которых забыли в красивом порыве.

Сумку я решил держать под ногами, а не ставить на свободную скамью. При резком торможении лучше получить ею по ботинкам, чем кому-нибудь в затылок. Проводить следующий бой с бессознательным соседом у единственного выхода было бы занятно, но неудобно.

Добровольцев распределили по бронемашинам. Я попал в шестую, вместе с Ярцевым, Соколовой и ещё четырьмя студентами. Нас сопровождали четыре бойца охраны; старшим был сержант Шмелёв, широкоплечий молчаливый мужчина с глуховатым голосом.

— Правила простые, — сообщил он. — Никто не вылезает без команды, не светит источником в темноту и не пытается самостоятельно открыть щели. Если машина встанет, сидите на местах, пока не скажу другое.

— А если тварь заберётся внутрь? — спросил студент с веснушками.

— Тогда ваши шансы зависят от того, как быстро я умру, — ответил сержант.

Мне он понравился.

Служебная дорога проходила вдоль железнодорожной насыпи. Справа тянулись леса, слева болотистая равнина, местами перерезанная старыми противоаномальными канавами. По пути мы миновали две брошенные грузовые платформы и ремонтный автопоезд, стоявший с выключенными огнями. Возле него никого не было.

Не люблю пустую технику. Нормальный человек, если может, старается унести ноги вместе с машиной. Если не унёс, значит, что-то очень убедительно объяснило ему преимущества пешей прогулки.

Из головного броневика передали команду остановиться. Разведчики проверяли ремонтный состав, который по доку-

ментам должен был встретить нас за полчаса до этого. За кузовом что-то шевельнулось. Ветер мог тронуть брезент. Только брезент обычно не прячется обратно.

— Сержант, у третьего прицепа слева. Низко, — сказал я.

Шмелёв даже не повернул голову.

— Вижу. Доклад передал. Не высовываться.

Хороший специалист понимал с полуслова. Экономия времени, которую я всегда ценил.

Первая тварь выскочила из-под полуприцепа, когда разведчик приблизился на десять метров. Бронированный зверь, похожий на помесь кабана, крупной ящерицы и неудачной идеи природы. Следом поднялись ещё два. Разведчик ушёл в сторону, охрана встретила их слаженными залпами.

Один зверь развернулся и ударил лбом по броневику. Машину тряхнуло. Веснушчатый студент вскрикнул. Я уже держал защиту на двери, когда второй монстр перепрыгнул боковой ров и двинулся к нашей машине.

Сержант открыл люк.

— Ильин, прикрытие по правому борту. Остальным сидеть.

Я высунулся ровно настолько, чтобы видеть атаку. Вокруг пахло мокрым железом, лесом и горячим маслом. Существа двигались тяжело, но быстро. Их броневые пластины отражали слабые прямые удары, а под нижней челюстью виднелся мягкий участок кожи.

Лёгкая добыча, если она сама любезно поднимет голову. Жаль, о хороших манерах местных зверей никто не позаботился.

Между нами было меньше пятнадцати шагов. На полигоне за такое расстояние я успевал несколько раз сменить форму. Здесь под локтем дрожала броня, в лицо летели комья земли, а слева кричал человек, которого я не видел. Отсутствие приятной учебной обстановки неожиданно делало расчёты менее приятными.

Зверь не бежал прямо. Поворачивал голову, принимая удары на толстую боковую пластину, и смещался к двери. Достаточно узкой голове попасть под нижний край — и машине придётся выбирать между пробитым бортом и переворотом. Наш водитель уже выворачивал колёса, но сдавать назад было некуда: за нами стояла следующая машина.

Я дал короткий воздушный толчок в плечо. Пластина звонко лязгнула, тварь качнулась и продолжила движение. Даже шаг не сбила. Вот тебе и лёгкая добыча. Следовало уточнять, чья именно.

— От кромки голову! — сказал Шмелёв.

Я пригнулся. В крышку люка ударил обломок металла. Сорванный зверем брызговик проскользил над нами, оставляя на броне белую царапину. Сержант придержал крышку, не позволив ей захлопнуться на моём плече, и ударил по передней лапе твари. Попал. Но та уже сжималась для нового броска.

Первый удар вынудил меня упереться правой рукой. Запястье напомнило о себе ровно тогда, когда захотелось перебраться повыше и получить нормальный обзор. Пришлось оставить руку на борту и поворачивать корпус целиком. Надёжно. Медленно. Зверь воспользовался задержкой и выбрал меня.

Его морда поднялась почти к люку. Снизу вверх ударил тяжёлый запах влажной кожи и тухлого жира. Я убрал голову, прижал подбородок к груди и на миг усилил движение ног. Не удар — только смещение, чтобы не остаться лицом над пастью. Отведённые врачом сутки по часам уже закончились. По ощущениям руки — категорически нет.

Я проскользнул назад быстрее, чем рассчитывал, и больно ударился бедром о внутреннюю скобу. Щит над дверью истончился. Ярцев сразу подхватил его со своей стороны, не задавая вопросов. Снаружи броню царапнули зубы.

— Ильин, не на крышу! — приказал сержант.

Не собирался. Любопытных, высовывающих голову над бронёй, здесь ели особенно охотно. Я вернулся к краю, оставив наружу только глаза и ладонь. Под закрытой пластиной у зверя пульсировало горло. Он прятал его не от страха, а потому, что так была устроена тяжёлая передняя часть тела.

Рядом с лапой дымилось масло из разбитого агрегата. Огненный удар выглядел заманчиво, но загоревшийся автопоезд перекрыл бы нам дорогу. Молнию я тоже отбросил: мокрая машина полна наших людей, а проверять качество её

изоляции на себе не хотелось. Остались воздух, лёд и грязь. Последней у нас было с избытком.

Я выдохнул. Отпустил лишнюю защиту над плечом, которую всё равно держал не в ту сторону, и выбрал точку на земле. Не морду. Не глаз. Участок перед носом, куда тварь собиралась поставить следующую лапу.

Вмешиваться в чужой шаг обычно дешевле, чем пытаться остановить всё тело. До очень дорогого опыта с этим зверем я, оказывается, тоже мог додуматься.

Я ударил по земле перед мордой воздушным кулаком. Брызнула грязь, зверь дёрнул голову вверх. Пока зверь держал голову поднятой, направил вторую, ледяную форму снизу вверх в открывшийся участок горла. Тварь рухнула, зацепив борт броневика. Стенка машины покраснела от чужой крови.

Последний монстр отступил под прикрытие прицепа. Военные не стали преследовать его наугад: двое обошли с одной стороны, маг-наблюдатель поднял над прицепом каменный блок и заставил зверя выйти из укрытия. Два совместных залпа — и всё.

Мы выбрались наружу только по приказу. Возле автопоезда нашли двух ремонтников. Один лежал мёртвым, второго придавило колесом. Круглова присела к живому, осмотрела и велела готовить гидравлический домкрат и носилки.

Я осмотрел останки твари, которую убил. Ледяное копьё вошло ровно там, где рассчитывал. Удачный результат не

означал, что я стал гением анатомии. Просто зверь предоставил очень любезную возможность.

Журавлёва подошла со спины.

— Ты видел горло сразу?

— Примерно.

— Поэтому поднял ему голову?

— Не хотел испортить броневые пластины. Вдруг они кому-нибудь нужны.

— В следующий раз оцени переднюю ногу. У этих существ сустав закрыт только при движении вперёд. Когда тормозят, под пластиной появляется щель. Её проще достать, чем шею.

Я ещё раз прикинул углы сочленений. В прежней жизни врагов с шестью лапами мне не выдавали — приходилось догонять местную анатомию на ходу.

— Спасибо, капитан.

Она кивнула, явно не ожидая простой благодарности.

— Учиться умеешь. Хоть это радует.

— Мне самому иногда удивительно.

К вечеру мы добрались до запасной станции, где имелись склад, железнодорожная ветка, топливо и небольшой казарменный корпус. Ратников решил провести там ночь, дождаться проверки маршрута и утром двинуться к следующему рубежу. Место укрепили серьёзно: два кольца сигнализации, прожекторы, наблюдательная вышка, запасные накопители в центральном контейнере.

Дежурные получили расписание. Студентов предупредили, что в случае тревоги каждый занимает назначенный сектор, не бегает по лагерю и не ищет личных подвигов.

— А если нас атакуют, пока мы спим? — спросил Барышев.

— Очень вероятно, что вы проснётесь, — ответил Шмелёв.

Опять этот человек портил всю романтику.

За ужином Лида попросила показать ей способ с ледяным клином, которым я перекрыл люк в тоннеле. Я объяснил только общий принцип: простая плотная форма, короткий срок действия, отсутствие необходимости держать её после закрытия преграды. Она внимательно слушала, потом задала два правильных вопроса про расход резерва. В её вопросах была толковая мысль. Я ответил без привычного желания отделаться шуткой.

Григорий, сидевший напротив, рассказал, как отразил удар тварей по вагону. Он говорил спокойно, без желания произвести впечатление. Сначала удержал щит, затем чуть не потерял сознание от нагрузки, после чего наконец понял, почему инструкции запрещают ставить большую защиту без расчёта. Я признал, что он жив благодаря правильному решению. Он даже улыбнулся.

Барышев присел рядом с тарелкой каши. Несколько секунд разгонял ложкой остывшую жижу, потом с нарочитой бодростью объявил, что в следующем бою непременно пока-

жет свой «разрывающий вихрь». После дневных нападений даже его самоуверенность приходилось заводить вручную.

— При условии, что в следующем бою тебя назначат показывать фокусы, — сказал я.

— Ты всё шутишь, Ильин. Как будто смерти не видел.

— Видел. Она производит сильное впечатление в первый раз. Потом становится менее оригинальной.

Он фыркнул и ушёл. Я с удовольствием вернулся к еде.

Ночью тревога подняла лагерь через четыре часа после отбоя.

Сначала завыли внутренние датчики, затем из леса донёсся прерывистый, словно металлический, вой. Я проснулся уже стоя. Старые привычки иногда опережают желание поспать. Запястье болело заметно меньше. Я накинул защитную куртку, взял накопитель и вышел к назначенному сектору.

Над лесом не было луны. Прожекторы выхватывали куски тумана, между которыми мелькали тени. На восточной стенке вспыхивали сигнальные руны. Разведчики доложили о мелких быстрых особях, движущихся полукругом. Не прямой штурм, а попытка найти слабое место.

— Они координируются? — спросил я у Шмелёва.

— Пока нет. Но бегают слишком правильно. Стоять здесь.

По первому рубежу ударили три тени. Из-под земли выскочила четвёртая, а ещё одна пронеслась в стороне, отвлекая прожектор. Военные развернули общий защитный ку-

пол. Я получил сектор между мастерским вагоном и топливной цистерной.

Журавлёва подбежала к нашей линии.

— Не преследовать. Они на уходящего реагируют всей стаей.

— Я и не собирался, — сказал я.

В этот момент за дальним ограждением Барышев вдруг закричал:

— Попал! Я его достал!

Он действительно попал. Огромная воздушная спираль разорвала одну тень, подняла клочья земли и ослепила прожектор облаком пыли. Мощный удар — и фонарь ослеплён пылью. Для ночного периметра подарок сомнительный.

— Барышев, назад! — приказал его сержант.

Парень уже шагнул за линию ограждения, очевидно, решив проверить, действительно ли тварь погибла. В тумане шевельнулись сразу два силуэта. Я видел их. Военные тоже. Но Барышев в ту секунду смотрел на собственную победу.

— Назад, идиот! — рявкнул я.

Поздно. Одна тварь прыгнула ему под ноги. Вторая ударила сверху. Его защита вспыхнула и рассыпалась, как стекло. Тело отлетело в сторону канавы.

Григорий рванулся за ним. Я схватил его за ворот и дёрнул назад.

— Не лезь.

— Там Мирон!

— Там две твари, — уточнил я. — И ещё минимум одна левее. Ты сейчас пополнишь список.

— Пусти!

Я разжал хватку, но перекрыл ему путь каменной преградой. Сержант Шмелёв успел перехватить Ярцева, а военные открыли огонь по полосе за ограждением. Одна тварь разлетелась на куски. Другая ушла в темноту, унося нечто, что ещё недавно было человеком.

После ухода второй твари прожектор снова повернули к лесу. Пыль опадала медленно. За оградой оставалось несколько неровных теней, которые могли быть пнями, существами или остатками того, кого мы уже уничтожили. Справа кто-то начал бить по всему подряд.

— Прекратить огонь! Третий сектор, по подтверждённым! — приказал Шмелёв.

Голос был спокойным. От этого прекратили быстрее, чем от крика. В темноте особенно легко успокоить себя ярким залпом: видишь вспышку, слышишь удар, кажется, что делаешь полезное дело. А потом обнаруживаешь пустой накопитель и совершенно живую тварь там, куда уже нечем стрелять.

Я держал низкую преграду между цистерной и мастерским вагоном. Не сплошную стену. Два коротких выступа, мешающих быстро пройти боком. Если зверь перелезет, его на мгновение увидит соседний расчёт. Если попытается обойти, придётся выйти на полосу света.

Слева щёлкнули когти. Я дал слабую световую отметку над верхом преграды, обозначая место сержанту. Сам не выстрелил. Контакт исчез раньше, чем сложилась прицельная форма. Через секунду в стенку ударило сбоку, так сильно, что от бетонного основания отлетели куски. Значит, отметку заметили не только свои.

Я опустил свет и переставил внутренний щит ближе к цистерне. В следующий раз тварь пошла ниже, почти стелясь по земле. Её остановила не моя хитрость: боец на крыше вагона увидел движение сверху и вогнал перед мордой тяжёлый металлический штырь. Зверь метнулся назад. Я ударил воздухом по открывшемуся боку, сержант закончил коротким залпом.

Над землёй повис едкий пар. С дальнего сектора тянуло гарью. Чужой огонь поджёг сухую подкладку возле ограждения, и от неё загорелся оторванный кусок покрышки. Шмелёв указал мне на пламя, не отвлекаясь от леса.

Я погасил его водой из лужи под цистерной. Поднял широкую грязную полосу, бросил на горящее место и сразу распустил форму. Лужа исчезла, вместо неё осталась блестящая плёнка. В учебнике водная магия выглядела куда величественнее. Здесь она пахла топливом, заливала ботинки, зато тушила огонь.

Ещё одна тень появилась между фонарями. Я начал собирать лёд и тут же остановился: за тварью двигался наш боец. Он обходил край вагона, возвращаясь к расчёту. Если бы я

запустил снаряд, пришлось бы надеяться, что человек угадает мои намерения быстрее зверя.

— Свой справа! — сказал я.

Шмелёв отдал команду. Боец остановился, присел. Тварь потеряла его из виду и повернула голову. Только тогда соседний маг ударил в неё сверху.

Я снова посмотрел на границу своего сектора. Несколько минут назад Ярцев пытался пробежать через неё ради одного человека. Теперь по ней возвращался живой солдат, которого я едва не подстрелил от излишнего старания. Стоит нескольким людям одновременно начать делать полезные вещи — и линия огня превращается в ловушку. Чуть не попался.

Во рту стало сухо. Хотелось пить, но я не отвлёкся даже на флягу. Оставил одну ладонь на холодном борту, чтобы чувствовать, где стою, и перестал реагировать на каждый звук. Следил за полосой земли. Слушал сержанта. Берёг последний подготовленный удар для того, кто действительно попытается пройти.

Мы удерживали линию ещё двадцать минут. Атаки прекратились сами. Ни красивой победы, ни торжественных речей. Просто исчезли силуэты в тумане, и командир приказал не менять наблюдение до рассвета.

Когда нам разрешили отойти, Ярцев подошёл вплотную.

— Он мог быть жив.

— Возможно.

— Ты его бросил.

У парня дрожали пальцы. Лицо побелело, губы сжались в нитку. Если сейчас дать ему время на раздумья, он наверняка найдёт себе ещё одну глупость.

— Я держал свой сектор. Ты хотел выйти под удар трёх тварей. Тебя пришлось остановить.

— Не тебе решать, кого спасать!

— Именно. Командир решает, а ты выполняешь. Или уходишь следом за Барышевым. Выбор твой.

Плечи у него пошли вперёд — сейчас полезет. Я сместил вес на здоровую ногу, но Соколова успела раньше.

— Гриша. Хватит.

— Ты тоже так считаешь?

— Я считаю, что сейчас с тобой разговаривать бессмысленно. Пойдём.

Лида увела Ярцева. Лучи санитарных фонарей тем временем продолжали шарить по канаве.

Барышев ещё вчера считал тварей тупыми мишенями. Сегодня одна из них убедительно возразила. Сам Мирон ответить уже не сможет.

Утром капитан Журавлёва вызвала меня и Ярцева по отдельности. Моё объяснение оказалось коротким: я не покидал назначенной линии, отвёл Ярцева от опасности и не имел приказа на поиск. Капитан слушала, не перебивая.

— Ты мог накрыть место падения плотным щитом?

— Мог. Примерно на две секунды. После чего остальные

твари прошли бы к цистернам. Не знаю, жив ли он был к тому моменту.

— Ты даже не пытался проверить.

— Нет.

Она медленно положила карандаш на стол.

— Это юридически не нарушение приказа, Ильин. Но командир должен знать, как ты действуешь, когда кто-то рядом попадает в беду.

— Теперь знает.

Капитан кивнула, и разговор закончился. Ни криков, ни нравоучений. Оттого он был гораздо полезнее.

* * *

Журавлёва закрыла дверь штаба, положила на стол рапорт и на несколько секунд прижала пальцы к переносице. Ночь оказалась тяжелее, чем рассчитывали, хотя сам бой длился меньше получаса.

Ратников просматривал ведомость потерь. На экране рядом с фамилией Мирона Барышева стоял сухой статус: «Погиб при нарушении боевого построения». Подполковник не спешил ставить подпись.

— Ильин не вышел за линию? — спросил он.

— Нет. Более того, остановил Ярцева, который полез вслед за Барышевым. С тактической точки зрения действовал верно.

— Тогда что тебя беспокоит?

— Он не нарушил сектора. Но Барышев лежал за огражде-

нием, а Ильин даже не запросил проверку. Мне нужно знать, способен ли он хотя бы сообщать об оставшихся, прежде чем решит, что всё кончено.

Шмелёв, стоявший у карты, пожал плечами.

— Он остановил второго студента. Мне этого хватило. Если бы Ярцев полез за своим приятелем, ещё одна семья получила бы похоронку.

— Ты же слышал его объяснение. Он не считал это спасением Ярцева. Парень мешал удерживать сектор.

— А результат?

— Результат хороший. Причина неприятная.

Ратников наконец подписал рапорт.

— Я не обязан выбирать между результатом и причиной. Должен учитывать оба. Пусть Ильин пока остаётся в своём отделении. Поставь рядом опытного сержанта, не давай самостоятельных заданий с необходимостью эвакуировать посторонних.

Журавлёва присела.

— Шмелёв справится с ним? — спросила капитан. — Ильин выполняет приказ буквально, но всё, что не оговорено, решает по-своему.

— Оставляем. Шмелёв знает его пределы. Для самостоятельной эвакуации раненых Ильина пока не назначать: он должен заранее понимать задачу, а я — знать, что он её выполнит.

— Под огнём он соображает быстро, — добавила Журав-

лёва. — И не тратит время на панику. Было бы глупо этого не использовать.

Подполковник посмотрел на потускневший экран.

— Будем использовать, — ответил подполковник. — Сильный студент в неправильном месте опаснее слабого. Вот за местом и следите.

За стеной штаба кто-то громко смеялся, потом внезапно замолчал. Ратников убрал рапорт в папку и приказал готовить новое построение. Погибшие остались в рапорте. У живых уже появились новые приказы.

* * *

Через час Ратников сообщил, что часть добровольцев направят домой. Не принудительно: всем дали право отказаться после реальных потерь. Четверо подписали заявление. Остальные молчали. Ночь у каждого ещё стояла перед глазами.

Я не подписал.

Мы загружались в машины, когда над станцией появился армейский беспилотный наблюдатель. Он спустился так низко, что я увидел копоть на корпусе. Связист получил донесение, прочёл, выругался и передал планшет Ратникову.

Подполковник нахмурился.

— На внешних рубежах ещё три прорыва. Гарнизон в Приозёрном секторе поднят по тревоге. Идём через резервную дорогу.

— Это быстрее? — спросил кто-то.

— Нет. Зато там пока никто не погиб.

Пока — прекрасное слово. В него можно упаковать сколько угодно человеческих надежд, не обременяя себя гарантиями.

Колонна тронулась. По дороге за окнами тянулись леса, в которых никогда не стоило уверенно считать расстояние между деревьями. Где-то впереди лежала аномалия, ради которой мы сюда приехали.

А пока она явно решила выйти нам навстречу.

Глава 3. У ворот с плохой статистикой

Север встретил нас пробкой из бронемашин, гражданских автобусов и грузовиков с разобранными наспех домашними вещами. На крыше одного автобуса привязали детский велосипед. По соседству лежали два металлических ящика, обмотанные защитной лентой. Водитель второго грузовика спал, уткнувшись лбом в руль. А двое военных в плащах ходили между колоннами и проверяли пропуска.

Так обычно выглядит граница между красивыми картами и реальным миром. На карте всё окрашено спокойными цветами. В реальности у людей красные глаза, грязные лица и вопросы, на которые никто не хочет отвечать.

— Здесь ведь ещё не аномалия? — спросил Ярцев.

— Зато она уже считает иначе, — ответил сержант Шмелёв.

Ратников получил вызов от местного гарнизона. На запасном блокпосту «Сосна-четыре» вышла из строя южная сиг-

нализация, а два патруля не вернулись с обхода. Пропуск гражданского транспорта остановили. Если мы не расчистим путь, на дороге к вечеру скопится несколько тысяч человек.

— Студенты остаются на второй линии, — приказал подполковник. — Первое отделение — вперёд. Второе готово перекрыть объезд. Журавлёва, держите практикантов.

Вторую линию мне отвели без обсуждений. Резерв был неполон, хотя после всего пережитого в нём оставалось больше, чем я ожидал от прежнего себя. Зато колено подрагивало, а звери в очереди на проверку паспортов не стояли. На первой линии я принёс бы больше хлопот, чем пользы.

Блокпост представлял собой бетонный прямоугольник с двумя воротами, вышкой и земляным валом. Перед южным въездом валялась разбитая патрульная машина. Из-под её корпуса торчала чья-то нога. Рядом сидели три серые твари с длинными шипами над плечами; они вытаскивали из машины что-то вкусное.

— Шипоносцы, — сказала Журавлёва, заметив мой взгляд. — Стая обычно больше. Не торопись радоваться.

Капитан придержала нас у поворота. Из ворот выглядывал человек в пыльном шлеме и показывал что-то двумя пальцами. Журавлёва ответила жестом, дождалась, пока он исчезнет, и только тогда повела отделение дальше.

— Свои внутри стены. Высокие удары через ворота не давать. Звери могут пойти по верху.

С гребня вала открывался обзор на машины и укрытие

впереди. Слишком удобный для засады. Похоже, кто-то занял лучший подход раньше нас.

Впереди разведчик опустился на колено и протянул тонкую светящуюся нить вдоль земли. Она зацепилась за кусок разбитой плиты, дрогнула и пропала. Человек сменил угол, повторил движение. Слева у стены на секунду вспыхнули ещё две точки.

Капитан передала их положение по связи. Я спросил, обнаруживает ли нить живых. Она покачала головой:

— Движение. Поэтому не путай корень с лапой, если сам будешь так проверять.

Полезная оговорка. Хотелось бы, чтобы ко всем удобным возможностям прилагалось столь же внятное описание того, чего они не умеют.

Мы шли по обочине, оставляя дорогу пустой. Машины развернули передними колёсами к развилке. Один водитель даже не заглушил двигатель, хотя место выглядело подходящим для долгой остановки. Справа маг из охраны поднял узкий земляной козырёк и тут же проверил, не закрывает ли он обзор соседу. Получилось некрасиво: насыпь с рваным краем и вбитой в неё дорожной вешкой. Я всё равно предпочёл бы её любому ровному учебному барьеру.

Ярцев смотрел на патрульную машину. На торчащую из-под неё ногу. До меня дошло, что он пытается определить, шевелится ли человек. Вокруг тела сидели хищники, из разбитой кабины свисало нечто, похожее на размотанную ткань.

Жив ли водитель, отсюда не разобрать. А дорога к машине уже принадлежала хищникам.

— Не смотри только туда, — сказал я.

Григорий перевёл на меня глаза.

— Я вижу.

— Нет. Ты видишь машину. Справа за ней ворота.

Он снова посмотрел вперёд и заметил движение на створке. Пальцы на его ладони разжались. Ничего не ответил, но пошёл ближе к Лиде, освобождая себе направление для щита. Так и лучше: щит нужен был сейчас, а разговор о вчерашней ночи мог подождать до окончания обеда у местных хищников.

На связи щёлкнул короткий сигнал. Первый расчёт замер. Журавлёва подняла ладонь, дождалась ответа с вышки и указала нам на правую полосу. Мой участок тянулся от кювета до дорожного столба. Небольшой. Наступать здесь было некуда. Зато любая тварь, идущая к нам, попадала бы в узкий просвет между столбом и кюветом.

Я достал внешний накопитель и оставил внутренний закрытым. Проверил, что свободная рука не цепляется за ремень. Вдохнул. Запах гари смешивался со сладковатой вонью растерзанной машины. Один из шипоносцев поднял голову.

Никто не стал ждать, пока он красиво зарычит. Капитан опустила ладонь.

Мы заняли укрытия у дорожного кювета. Первый расчёт

военных ударил одновременно. Двух шипоносцев разнесло, третий прыгнул в сторону, а из-за бетонной плиты выскочили ещё пять. Стая и правда оказалась больше.

Одна из тварей пробежала по стене блокпоста, перебирая лапами так быстро, что бетон крошился под когтями. Лида поставила щит у левого борта. Ярцев добавил снизу упор, чтобы защита не сложилась от первого удара. Толково.

Мой сектор был справа. Я ударил короткой огненной дугой по кювету, отрезав одному зверю путь к воротам, и тут же добил его воздушным снарядом. Второй пытался проскочить по узкой полосе асфальта. Я поднял под его ногами тонкую каменную кромку. Тварь споткнулась и впечаталась мордой в ограждение. Раздался треск. Мне даже захотелось поаплодировать, но времени не было.

Слева шипоносец прыгнул на разведчика. Мужчина ушёл вниз, и Журавлёва едва заметным движением перерезала твари передние лапы. Следом ударила в голову. Всё заняло меньше секунды.

Я запомнил.

После зачистки военные проверили окрестности. На противоположной стороне блокпоста нашлись следы тяжёлого существа: земля продавлена почти на ладонь, несколько бетонных блоков треснули, будто по ним прошёл грузовой тягач. Ратников долго смотрел на след, потом вызвал инженеров и приказал всем вернуться за вал.

— Сейчас будет что-то крупное, — сообщил Шмелёв.

В его голосе не было ни тревоги, ни удовольствия. Лишь простое недовольство человека, которому посреди рабочего дня сообщают о внезапной проверке.

Крупное появилось через десять минут.

Клинорог вышел из леса, не торопясь, словно прогулка по шоссе входила в его ежедневное расписание. Высотой в два человеческих роста, шириной с бронетранспортёр, покрытый пластинами цвета мокрого железа. Передняя часть головы была сплошным броневым клином. Существо не имело глаз там, где они полагались приличному зверю. Вместо них под складками брони вспыхивали крохотные жёлтые точки.

Вначале было трудно понять, куда именно он смотрит. Жёлтые точки появлялись по бокам головы и исчезали под складками. Я переместился за край щита и увидел, как одна из точек повернулась вслед. Не глаз в привычном смысле, но для меня разница была не особенно утешительной.

На вышке переставили тяжёлый накопитель. Боец у треноги начал крутить ручной упор, второй держал кабель. Третий, не отрываясь от прибора, называл поправки. Я слышал обрывки: расстояние, слишком низко, ещё правее. Существо стояло всего лишь на краю леса, но в людях вокруг уже происходила работа, которую зритель обычно не замечает до первой красивой вспышки.

Шмелёв указал мне место за валом.

— Боковую защиту держишь вместе с расчётом. По команде снимешь, чтобы не мешала.

— Если он пойдёт на нас?

— Сместишься к машине. За валом не геройствуй, он его не заметит.

Я взглянул на массу бетона перед собой. До сих пор она казалась довольно убедительным доводом в споре с любым живым существом. У сержанта, очевидно, имелась другая статистика.

Лиду поставили ближе к проходу. Её задача состояла в том, чтобы не дать мелким обломкам пройти к людям, пока расчёт работает. Не ловить клинорога, не накрывать всю дорогу, а удерживать узкую полосу. Девушка повторила приказ, подняла ладони. Ярцев встал на смену позади неё. Ему сразу запретили добавлять второй полный купол.

Я проверил свой маленький щит. Подвёл левую грань к чужой защите и ощутил, как по краю пошла неприятная дрожь. Контуры мешали друг другу. Старший маг указал сместиться на полшага. Я сдвинул опору, не распуская щит, и дрожь исчезла.

Из-за этой мелочи мне впервые стало по-настоящему неуютно. Противника я видел. От него хотя бы ожидал удара. А распад защиты из-за удачно поставленного соседнего щита выглядел особенно дурацким способом умереть. В академии мы отрабатывали сопряжение на ровной площадке. Здесь я чуть не забыл о нём, потому что перед глазами стоял зверь величиной с транспорт.

— Проверка, — сказал старший маг.

По щиту прошла короткая волна. Я удержал угол. Маг кивнул и вернулся к наблюдению. Даже ругаться не стал, что почему-то запомнилось лучше выговора.

На дороге за нами взревел двигатель. Последний автобус выводили задним ходом, подальше от ворот. Водитель смотрел в зеркало, а солдат шёл рядом, показывая ладонями расстояние. Впереди готовили удар по твари, позади выводили людей. Один неверный манёвр — и работы медикам прибавится даже без монстров. Мой сектор заканчивался у кормы автобуса, поэтому отступать предстояло влево. Я ещё раз посмотрел туда и запомнил свободный промежуток.

Клинорог низко опустил голову. Пластины у него на шее разошлись, потом сомкнулись с таким звуком, словно кто-то закрыл тяжёлую заводскую дверь. Я почувствовал, как напряглись плечи, и заставил себя их опустить. Если начну удерживать собственное тело в боевой судороге заранее, к моменту удара могу устать без всякого участия противника.

В лесу за зверем качнулось дерево. Сосна упала, зацепившись кроной за соседнюю. Клинорог даже не повернулся.

— Бить суставы! — крикнул командир расчёта. — Не расходовать резерв на корпус!

Клинорог ускорился. За секунды он превратился из неподвижной горы в движущийся кошмар. Первый тяжёлый снаряд ударил ему в бок, отбросив пластину, но не остановив. Второй вспорол землю у передних ног. Тварь врезалась в бетонный вал, и земля под нами подпрыгнула.

Мой щит ушёл вниз вместе с осыпавшимся краем насыпи. Я удерживал форму, но опора, к которой её привязал, перестала существовать. Воздушная поверхность повисла под неверным углом. В неё с грохотом ударили обломки, покатились к ногам. Я успел перехватить нижнюю грань и сдвинуть её к камню у ботинка.

— Не дави вверх! — крикнул старший маг.

Я уже начал. Остановился. Вместо того чтобы поднимать щит вместе со всей навалившейся тяжестью, дал ему отойти назад. Камни соскользнули по наклону на свободное место. Клинорог шевельнулся по ту сторону вала, и мне в лицо ударила сухая пыль.

Слева лопнула чужая защита. Лида поймала летевший осколок, но тот разбился о её щит на множество мелких. Она не пыталась восстановить красивую поверхность — опустила всю полосу, пропуская каменную крошку в землю. Григорий подхватил верх. Военный возле них успел подать расчёту второй накопитель, не получив при этом бетонной плитой по голове.

Я видел только кусок туши и движение пластин. Бить наугад по такому количеству брони хотелось примерно так же, как платить за собственные похороны заранее. Однако старший маг показал на одну из ног, застрявшую между блоками.

— Коротко! Ниже сгиба!

Я ударил воздухом. Попал в толстую пластину. Слишком высоко. Существо дёрнулось, выдернуло ногу, и сверху по-

сыпалась новая порция обломков.

Вторая попытка вышла лучше. Я не пытался пробить броню: сместил голый край опоры, пока зверь переносил вес. Клинорог на миг осел. Чужой огненный удар прошёл вдоль плеча, выжег тёмную борозду и не заставил его остановиться.

Он был слишком близко. Огромная голова двигалась за разрушенным валом, как часть плохо закреплённого здания. Если сейчас полезет через край целиком, уклоняться придётся не от удара, а от нескольких тонн падающего мяса. Я уже перенёс вес на левую ногу и присмотрел точку для отхода.

— Стоять! Держим осколки! — приказал маг.

Я остался. Потому что он видел больше меня и пока не давал повода усомниться в этом. Следующий толчок прошёл по земле, тяжёлый, вязкий. Воздух загудел. Через щит справа протянулась тонкая белая трещина.

Я залатал её узкой ледяной накладкой. Та продержалась недолго, но пропустила только песок. На язык попала пыль. Захотелось сплюнуть; рот и без того пересох, так что решил не расточительствовать.

За моей спиной тяжёлый расчёт наконец сменил положение. По валу прочертила тень длинная направляющая, потом убралась обратно. Кто-то скомандовал всем пригнуться. Я прижал голову к плечу и услышал хлопок, от которого сжались зубы.

Клинорог отпрянул ровно настолько, чтобы его передняя лапа потеряла опору. Перед нами открылся кусок тела, прежде скрытый стеной. Теперь хотя бы стало понятно, куда можно ударить без откровенной благотворительности в пользу звериной брони.

Я едва удержал защиту. Рядом кто-то завизжал. Клинорог поднял голову, и я увидел раскрывающуюся щель под броневым воротником.

— Правое плечо! — заорал военный маг.

Два огненных луча ударили одновременно. Из-под брони вырвалось жёлтое пламя. Зверь заревел, но, вместо того чтобы упасть, развернулся к источнику боли и пошёл прямо на расчёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.